

ХУДОЕ НАШЕ ДѢЛО

НЕГРАМОТНОЕ.

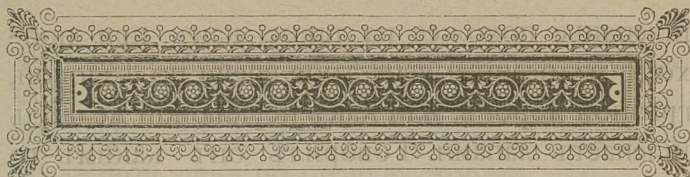
ТОМСКЪ.

Типо-Литографія Ми-
хайлова и Макушина.

1888.

Дозволено цензурою: С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1887 г.

ХУДОЕ НАШЕ ДѢЛО НЕГРАМОТНОЕ.

«Исправникъ ѣдетъ. Въ Богучанахъ остался. Гляди какъ пожалуй будетъ. Чѣмъ-то онъ насъ порадуетъ»? Говорилъ, ходя по комнатѣ, высокій, широкоплечій, съ нѣсколько рыжеватыми волосами на головѣ и бородѣ, лѣтъ 37 мужикъ: одѣтый въ красную съ желтыми пятнышками, похожими на звѣзды, рубаху; въ пальто изъ чернаго верблюжьяго сукна; плисовые шаровары и довольно большіе, простые, кунгурскіе, нѣсколько поношенные, сапоги, которыми онъ производилъ, при прогулкѣ своей по комнатѣ,

шлепанье похожее на такое, какъ при проходѣ въ осеннее ненастное время по бздовой, грязной дорогѣ; или какъ неуклюжій медвѣдь шлепаетъ лапами. Говорилъ онъ какимъ-то отрывистымъ басомъ и неподнимая опущенной на грудь головы. По его, принявшему блѣдный оттѣнокъ, лицу можно было замѣтить, что онъ о чемъ то беспокоился.

«Да, съ чѣмъ онъ прїѣдетъ!» повторили тутъ стоявшіе мужички и затѣмъ, всѣ предались каждый своей думѣ; и въ комнатѣ, гдѣ это происходило, настала мертвая тишина. По временамъ эти стоявшіе мужички повертывали то вправо, то влѣво головами, почесывали себѣ затылки, позѣвывали: но заговорить ни кто не рѣшался.

Наконецъ, уже знакомый намъ мужичекъ, вынулъ изъ кармана пальто кisetъ, развернулъ его, досталъ-костянную съ точеннымъ и крашеннымъ (сергучемъ и синькой) чебукомъ трубку и сѣлъ на стулъ, у двери ведущей въ другую переднюю, маленькую комнату; около стола, покрытаго чернымъ,

верблюжьимъ сукномъ, стоявшаго противъ окна у стѣны, съ разбросанными на немъ бумагами, по лѣвую, и противъ небольшой желѣзной печи по правую сторону. Закуривъ трубочку онъ повидимому повеселѣлъ.

«Гдѣ у насъ долго не идетъ Василій Егоровичъ»? Спросилъ онъ у стоявшихъ въ задумьѣ мужичковъ.

«Долго чего-то нѣтъ!» Отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

«Не знаю гдѣ онъ!» «Поди еще чай пьетъ»? добавилъ тотъ же.

«А что Алексѣй Галафтионовичъ! былъ ты у барина»? Спросилъ сидѣвшаго на стулѣ мужичка мужичекъ же стоявшій въ числѣ сказанныхъ выше, средняго роста, русоволосый, борода клинкомъ;—одѣтый въ длинную верблюжьяго, темно-коричневнаго сукна однорядку, окаймленную по поламъ и подолу не широкой, плисовой полоской, ушитой гарусомъ, и подпоясанную чернымъ кушакомъ.

«Какъ же!... Онъ дожидаетъ исправника

и чай не пьетъ, говоритъ, что съ исправни-
комъ напьется»!

«Да»!... произнесъ протяжно спросившій.
«Такъ онъ чего же чай-то пить дожидаетъ,
вѣдь онъ можетъ до завтраго не пріѣдетъ,
а онъ все станетъ голодомъ?»

«Кто его знаетъ! Я тоже думалъ: да какъ,
вѣдь не укажешь. Боятся что ли, лѣшаекъ
его знаетъ»! Заключилъ Алексѣй Галафти-
фоновичъ.

«Ну мы, люди темные, пускай боимся, а
ихнему-то брату чего бы это? Нѣтъ, вотъ
боятся же! А гляди бы вѣдь тоже началь-
ство, хоть бы и баринъ то»! Сказалъ тотъ
же мужичекъ въ однорядкѣ.

«Да оно положимъ, что начальство на-
чальству повиноваться должно, да опять и
то надо сказать, почто бы чай-то не пить
хоть бы и барину нашему. Такой ужъ чу-
дакъ какой-то»! Сказалъ Галафтифоновичъ.

«Да должно быть по этому, что чудакъ»!
Проговорилъ мужичекъ въ однорядкѣ. За-
тѣмъ онъ подошелъ къ столу стоявшему

рядомъ у котораго сидѣлъ Галафтифоновичъ и сѣлъ противъ послѣдняго. Послѣ чего вынулъ изъ за пазухи свернутый въ комокъ платокъ, развернулъ его, досталъ простую, берестянную банку съ табакомъ и совершая все это медленно, не торопясь, зарядилъ порядочную понюшку себѣ въ носъ; потомъ такимъ же порядкомъ свернулъ банку въ платокъ и, утеревъ свой носъ, положилъ опять за пазуху, и при этомъ, съ какимъ-то удовольствіемъ, не громко прикрякнулъ. Пока этотъ мужичекъ угощался табачкомъ, остальные стоявшіе мужички такъ же размѣстились: кто на порогѣ, а кто около желѣзной печи на полу.

Все описанное происходило рано утромъ въ зданіи волостнаго правленія. Комната въ которой находились мужички была канцелярія для помощниковъ волостнаго писаря. Въ этой комнатѣ у стѣны противъ оконъ стояли два стола накрытые чернымъ верблюжьимъ сукномъ; столы эти по вышинѣ были не ровны: одинъ былъ не много по выше.

На столѣ, который былъ по выше, лежали какія-то бумаги и стояла большая, круглая, синяго стекла чернильница. У противоположной стѣны стоялъ шкафъ,—около него, у перегородки отдѣлявшей прихожую отъ канцеляріи, стояло бюро—на немъ были книги.

Маленькая передняя комната было присутствіе. Въ этой комнатѣ, въ самыхъ почти дверяхъ, стоялъ большой накрытый краснымъ сукномъ столъ. На столѣ было чисто и лежало въ порядкѣ нѣсколько книгъ, стояла такая же чернильница, какъ мы видѣли на канцелярскомъ столѣ, а около нея лежало перо. По за столу стояли трои простыхъ креселъ. На правой сторонѣ отъ дверей въ присутствіи стоялъ шкафъ, а по лѣвую была другая дверь запертая большимъ замкомъ. На стѣнѣ, противъ входной двери былъ портретъ государя, а въ переднемъ углу, на правой сторонѣ подъ потолкомъ была икона Спасителя. Въ этой-то комнатѣ и сидятъ волостной писарь и волостные начальники.

Въ описываемое время писаря еще не было.

Названный Алексѣемъ Галафтифоновичемъ былъ волостной голова, а мужичекъ разговаривавшій съ нимъ, одѣтый, какъ сказано, въ однорядкѣ, былъ второй подъ нимъ, то есть подъ головой, кандидатъ—Матвѣй Яковлевичъ. Этотъ послѣдній пріѣхалъ нарочнымъ съ вѣстью, что ѣдетъ исправникъ и что остался въ Богучанахъ. Остальные мужички, двое, не принимавшіе участія въ разговорѣ, а бывшіе какъ бы безмолвными свидѣтелями того, что говорилось, были сельскій старшина, того села гдѣ находилась волость, и по немъ кандидатъ. Старшину звали Никитой Кузьмичемъ, а кандидата Захаромъ Степанычемъ или просто Захаромъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ описаннаго разговора пришли упомянутый уже Василій Егоровичъ и волостной писарь. Поздоровавшись объ ручку со всѣми, намъ извѣстными, эти новыя личности какъ-то торопливо прошли въ присутствіе. Изъ разговора всѣхъ присутствовавшихъ заключено

было, что исправникъ долженъ скоро быть. Названная Васильемъ Егоровичемъ личность—былъ волостной староста....

Нынѣ уже вѣроятно не встрѣтятся болѣе такихъ названій, какъ: голова, староста, сельскій старшина, кандидатъ, а ранѣе это было все такъ.

Такъ вотъ—волостной голова былъ тотъ, на обязанности котораго лежало смотрѣть за порядкомъ въ селеніяхъ, наблюдать за всѣми сельскими старшинами—вообще за всѣмъ, что находилось въ волости; а староста назывался ранѣе тотъ, кто завѣдывалъ въ волости всѣми денежными суммами, и подписывался ко всѣмъ писаннымъ отъ волости бумагамъ. Подписывался онъ не такъ, какъ мы,—просто взялъ перо да и подписалъ свое имя и фамилію. Нѣтъ этого не было, потому что старосты были большинство неграмотные. Помощники писаря если пишутъ какуюнибудь куда-нибудь бумагу, то въ концѣ ея и подпишутъ: «Волостной Староста такой-то», а потомъ приложатъ

старостину печать—вотъ и подпись старосты. Но къ какимъ бумагамъ прикладывалась его печать староста ни чего не зналъ. Такимъ-то вотъ старостой и былъ Василій Егоровичъ. Придя въ это утро въ волость онъ по обыкновенію первымъ долгомъ дотро-нулся до замка, которымъ была заперта дверь кладовой. Убѣдившись что замокъ цѣлъ, онъ вышелъ въ канцелярію и закурилъ трубочку. Послѣ чего онъ сѣлъ на стулъ около желѣзной печи и какъ-то заботливо поглядывалъ на волостнаго писаря—какъ бы ожидая отъ него чего-то.

Волостной писарь, какъ сказано, прошелъ въ присутствіе и сѣлъ на кресло стоявшее у стола по срединѣ и, предварительно доставъ изъ шкафа нѣсколько книгъ въ которыхъ записывались деньги, сталъ считать по нимъ кладя на счетахъ цифровыя суммы денегъ. Это онъ производилъ повѣрку: сколько было денегъ у старосты. Наконецъ онъ просчиталъ всѣ цифры и велѣлъ старостѣ принести деньги. Деньги принесены. Писарь взялъ деньги отъ старосты и сталъ считать. Считалъ—считалъ, пересчиталъ всѣ и говоритъ:

«Что это, староста, у тебя денегъ больше

на цѣлый рубль—откуда это такъ»?
«Незнаю, развѣ просчитались!» Отвѣтилъ староста.

Писарь снова началъ считать; пересчиталъ, посмотрѣлъ на бумагу, на которой было написано сколько всего нужно денегъ, и говоритъ:

«Что это такое!—теперь я насчиталъ, что у тебя двухъ рублей нехватаетъ».

«Какъ такъ!» Поблѣднѣвъ проговорилъ староста.

«Должно быть вы прокинули гдѣ нибудь! Пересчитать надо еще».

Опять считаетъ писарь—руки у него дрожать, въ счету смѣшивается. Староста глядитъ, что называется, въ оба глаза—не на деньги только, а на писаря. Кончилъ писарь пересчитывать и съ горячностью воскликнулъ:

«Тьфу! чертъ васъ побери! Теперь насчиталъ еще меньше—недостаетъ цѣлыхъ десяти рублей. На, староста, пересчитывай самъ!»

«Сколько надо денегъ-то по вашему?» спросилъ староста.

«Денегъ должно быть пятьсотъ шестнадцать рублей!» Староста считаетъ. Считалъ—считалъ, пересчиталъ и говоритъ:

«Я насчиталъ пятьсотъ девятнадцать рублей!»

«Что это такое у насъ — денегъ не можемъ сосчитать? Ну, ладно, считай опять!» Сказалъ писарь. Староста считаетъ.

«Стой!.. Тутъ ты двѣ бумажки прокинулъ!» Останавливаетъ писарь старосту.

«Нѣтъ, ладно!» Отвѣтилъ староста; пересчиталъ деньги и говоритъ:

«Теперь я насчиталъ пятьсотъ шестнадцать рублей!»

«Значить вѣрно — такъ должно и быть! Слава Богу кончили!» Сказалъ писарь. Мучительная повѣрка кончилась и староста положилъ деньги на свое мѣсто.

Вдругъ прибѣгаетъ мужикъ запыхавшись и едва выговариваетъ:

«Исправникъ должно быть бѣжить у воденника! Сильно что то подается!» Сидѣвшие голова, старшина и кандидатъ побѣжали — кто смотрѣть гдѣ ѣдетъ исправникъ, кто встрѣчать его. Всѣ засуетились, забѣгали, заговорили торопливой, отрывистой рѣчью; въ волости начали подметать, прибирать книги — вообще приводить все въ порядокъ. Писарь безпокойно расхаживался взадъ и впередъ и дожидался извѣстій. Черезъ чет-

верть часа приходитъ голова. Писарь спрашиваетъ:

«Ну что, кто тамъ?»

«Будь онъ проклятъ безтолковый!»! Ругая вѣстовщика сказалъ голова.

«Вовсе не исправникъ, а какой-то мужикъ въ разнопряжку на четырехъ лошадахъ ѣдетъ. Переполошилъ только, чума онъ экая!»!

Ха-ха-ха! засмѣялся писарь. «Пойдемте обѣдать, уже два часа!»! обратился онъ потомъ къ головѣ. Одѣлись и ушли. Разошлись также и другіе.

Подумаешь, право, -- отчего такъ трусятъ исправника эти люди? Переберешь, какъ говорится, все въ головѣ -- тутъ явятся и подозрѣнія, что должно быть, чтонибудь да не такъ; что водятся какіе-нибудь грѣшки; что они боятся чтобы кто-нибудь не пожаловался на нихъ за что-нибудь. Однимъ словомъ переберешь всякую чушь. А какъ всмотришься внимательнѣе, то и придешь къ тому, что люди эти трусятъ не за что-нибудь особенное, а просто боятся чиновнаго званія исправника или вообще какого бы то не было чиновника поставленнаго въ прямыхъ отношеніяхъ начальничества къ крестьянамъ.

134

— Ну начальник—начальник! Такъ чтожъ они его боятся? Что за причина такая заставляющая бояться своего начальника? Кажется, что начальника нужно встрѣчать болѣе съ радостью, чѣмъ съ боязнью и горячью. Онъ пріѣдетъ къ своимъ подчиненнымъ, осмотритъ что дѣлается по хозяйству, по благосостоянію, образованію; научить, расскажетъ что нибудь полезное, новое; приметъ къ сердцу нужды ихъ и постарается помочь. Однимъ словомъ начальникъ, какъ хорошій, заботливый хозяинъ долго не видавшійся со своими вѣрными служителями и слугами, долженъ своимъ появленіемъ обрадовать всѣхъ его ожидающихъ. Почему же выходитъ на оборотъ? Удивляешься просто всему страху, горечи и упадку духа этихъ людей—когда они ждутъ своего начальника. Станешь подмѣчать, раздѣлывать соотношенія и вдругъ—набѣгаешь на нить служащую проводникомъ къ раскрытію этого неблагоприятнаго чувства. Выводишь то, что подчиненные боятся не изъ за чего другаго, какъ вслѣдствіе своего маломочнаго духа. Они при вопросахъ начальника обращаются въ рабское состояніе, мѣшаются отвѣтами, стараются какъ можно скорѣе отдѣлаться

отъ всего имѣющаго отношеніе къ началь-
нику. Много иногда труда положить на-
чальникъ чтобы добиться отъ какого нибудь
подобнаго субъекта истиннаго къ себѣ распо-
ложенія и тѣмъ вызоветъ его на откровен-
ность; а иногда, не добившись ни до чего
такого, махнетъ рукой на все и удаляется
во свояси только съ тѣми свѣдѣніями, какіе
требуетъ по долгу своей службы. Причины
же къ боязни своего начальника ни какой
другой не находишь какъ то, что люди эти
мало развиты, большинство не грамотны. Они
сами ставятъ себя людьми ни чего незначи-
щими, не умѣющими ни говорить, такъ какъ
говоритъ ихъ начальникъ, не надѣвающимися
на себя въ томъ, чтобы исполнить харак-
терно, согласно съ желаніемъ начальника,
его болѣе или менѣе замысловатое требо-
ваніе. Въ глазахъ ихъ начальникъ кажется
одновременно всѣмъ — и какимъ то сверх-
естественнымъ существомъ, и глупымъ, не-
понятнымъ для нихъ созданіемъ. Вотъ все
что заставляетъ бояться начальника и ждать
его съ трепетомъ. Четыре часа дня. Пообѣдавши, всѣ намъ
извѣстные опять собрались въ волость.
«Нѣтъ гдѣ-то нашего исправника»? Про-

1978

изнесъ голова Алексѣй Галафтифоновичъ.
«Гдѣ ты застрялъ!» Оtvѣтилъ старшина
Никита Кузьмичъ.

«Должно быть останавливается по дерев-
нямъ!» Сказалъ кандидатъ Матвѣй Яков-
левичъ.

«Да, должно быть!» Сogласился Галафти-
фоновичъ.

«Достукались видно, скоро Вамъ смѣна!»
Сказалъ помощникъ писаря.

«Дай-то Богъ чтобы смѣнили; я давно
уже молюсь Богу. Незаглянуль бы ни когда
и въ волость!» Сказалъ староста.

«Нѣтъ потягивать будетъ!» Возразилъ Мат-
вѣй Яковлевичъ.

«А я обѣручъ перекрещусь!» Воскликнулъ
Галафтифоновичъ.

«Уѣду домой и буду себѣ вольный ка-
закъ!» Добавилъ онъ же.

«Всѣмъ видно пріѣлась служба-то!» Ска-
залъ кандидатъ Захаръ.

«Вамъ что, хорошо. У васъ одно
дѣло—распорядился тамъ подводой или про-
служилъ иногда, въ годъ разъ, недѣлку
вмѣсто старшины, да и дѣло съ концемъ.
А тутъ воть и вертись, какъ сорока на
колѣ. Иной разъ пожрать-то не дадутъ:

только сядешь за чашку Ачаю, смотришь
деньщикъ бѣжить, говорить—въ волость
звали. Пришелъ въ волость—спросишь: на
что звали?—думаешь на что путнѣе, а тутъ
на какіе нибудь пустяки. Не дай Богъ этой
службы. А тутъ начальство—то оттуда, то
оттуда. Все бойся. Тутъ, какъ бы не было,
сумма на рукахъ,—ошибись въ копѣйкѣ—
вотъ и готовъ, пропалъ. Спасибо еще писа-
рямъ невыдаютъ; собрались какъ одинъ—
работяшіе, честные и непьющіе. А то бы
завязывай глаза да и бѣги куда знаешь! Пр-
должалъ разговоръ староста.
«Да что оно и говорить! Что правда, то
правда, Василій Егоровичъ! Все подѣстра-
хомъ». Сказалъ Матвѣй Яковлевичъ.

«Оно вотъ тому хорошо кажется, началъ
Галафтифоновичъ, кто не служивалъ здѣсь
и ни чего не знаетъ. Другой, можно ска-
зать, слюной убить, а какъ станешь съ него
просить подать или хлѣбъ въ магазинъ-то,
онъ и закричитъ: пох богача меня да не-
отдаютъ. Колетъ прямо въ глаза, а самъ
того непонимаетъ, что съ богатаго-то за-
всегда возьмешь, а съ него все черезъ
палку надо. Поглядишь—поглядишь, плю-
нешь да и отступишься отъ него. Приѣдетъ

начальство опять допекаютъ тебя—отчего подать или хлѣбъ не собралъ. А все терпѣть надо»!

«Это вѣрно, Алексѣй Галафтифоновичъ»! Отвѣтили другіе.

Галафтифоновичъ продолжалъ начатый разговоръ: «Оно еще бы думаешь ладно было, если бы хоть мало-мало зналъ записывать. А то просто бѣда—гдѣ надо чего записать, да писаря нѣтъ—гдѣ же такъ-то все упомнишь. Тяжело братцы неграмотнымъ быть. Вспомнишь тогда—зачѣмъ меня не учили»!

«Будь бы мы грамотные, началъ опять староста, такъ чтобы намъ и служба-то, спустя рукава. Все видѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, какъ что сдѣлать! Прочиталъ бы законъ и дѣлалъ какъ могъ. А то что мы теперь, какъ ни чего-то не знаешь: того и гляди какъ чтонибудь сдѣлаешь не ладно. Иной разъ думаешь—такъ надо сдѣлать, а какъ прочтутъ тебѣ статью закона, то и кожу обдеретъ; самъ себя ругаешь, что чуть было не влопался. Худое наше дѣло неграмотное. Я еще хоть тѣмъ бился, что ужъ, если не знаю чего, то спрошу когонибудь изъ писарей какъ лучше сдѣлать или попрошу законъ проглядѣть. Они, дай

Богъ здоровья, меня ни когда неоставляли; все рассказывали толково. А другой вѣдь поди—самъ ни чего не смыслить, а спросить другихъ или заставить посмотреть въ законъ ни за что не хочетъ, дѣлаетъ какъ попало.

«Однако надо сходить къ засѣдателю, понавѣдаться. Ужъ поздно стало». Сказалъ вставая со стула голова. Одѣлся и ушелъ. Нѣсколько спустя онъ воротился.

«Что скоро, Алексѣй Галафтифоновичъ? Спросили его остававшіеся.

«Да что скоро, онъ ужъ спать легъ»! Отвѣтилъ Галафтифоновичъ.

«Пора и намъ по домамъ». Сказалъ староста. Черезъ нѣсколько времени всѣ разошлись унося каждый съ собою думу, что будетъ завтра.

Ночью пріѣхалъ столь долго съ трепетомъ ожидаемый исправникъ и на слѣдующій день объявилъ, что будетъ вводиться новое положеніе, и что вмѣсто служившихъ теперь лицъ должны быть другіе. Какъ обрадовались эти люди томившіеся на своей службѣ. Они дали намъ урокъ, что какъ тяжело быть неграмотному при какомъ нибудь серьезномъ дѣлѣ.

